

Татьяна Варсоцкая

СТАТЬ РЕКОЙ

Татьяна Варсоцкая

Стать рекой

«Издательские решения»

Варсоцкая Т.

Стать рекой / Т. Варсоцкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507751-6

С тех пор как Мария потеряла любимого мужа, прошло несколько лет. Женщина замкнулась в своем мире и переживает депрессию. С помощью друзей и родных она пробует вернуться к жизни. Но прошлое не оставляет ее в покое...

ISBN 978-5-00-507751-6

© Варсоцкая Т.
© Издательские решения

Содержание

Ноябрь 2017 года	6
Сентябрь 2013 года	9
Ноябрь 2017 года	12
Ноябрь 2014 года	16
Декабрь 2014 года	17
Июнь 2015 года	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Стать рекой

Татьяна Варсоцкая

© Татьяна Варсоцкая, 2019

ISBN 978-5-0050-7751-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ноябрь 2017 года

Из подъезда в темное осеннее утро вышла женщина невысокого роста. На ней было коричневое пальто из болоньевой ткани, на голове – такого же цвета шерстяной шарф, из которого выбивались темно-русые с сединой волосы, на плече висела большая черная сумка, в руке она держала пакет с мусором. Женщина глубоко вдохнула морозный воздух и направилась к контейнерам. Сначала она открыла крышку и выбросила мусор, потом достала из сумки пакет с кошачьим кормом. Расчистив ногой на площадке снег, высыпала на нее разноцветные гранулы.

– Кыцы-кыцы-кыцы, – громко позвала женщина, никто на зов не откликнулся. – Холодно, в подвалах прячутся, – тихо сказала она.

За эти две странности – подкармливать бездомных животных и разговаривать с собой – многие в городе считали ее сумасшедшей. Кто-то знал о ее трагедии и жалел: «Бедняжка, она и раньше была немного не в себе, а после того происшествия совсем спятила...»

Не дождавшись котов, женщина, не спеша, направилась к автобусной остановке.

Музей, где работала Мария (так зовут женщину в коричневом пальто), ютился в глухом переулке. Кроме здания музея здесь расположилось еще несколько старых одноэтажных домов из дерева и кирпича. Кирпичные домики были выкрашены в такой же грязно-желтый цвет, как и музей. Напротив музея расположился небольшой запущенный сквер с выброшенными памятниками. Мария посмотрела на памятник Ленину. Возле него все еще стояла корзина с цветами, сейчас припорошенная снегом, – подарок от местных коммунистов на 7 ноября. Презрительно улыбнувшись, женщина достала связку ключей. Сначала отключила сигнализацию, потом открыла дверь, немного потопала у входа, чтобы отряхнуть снег с сапог, и вошла в темное здание.

Почти никто в музее не знал, сколько Марии лет. Кожа на ее лице была еще молодая, почти без заметных морщин. Только глубокие борозды пролегли от крыльев носа к уголкам рта. Они выдавали в ней некогда улыбчивую женщину. Выраженные носогубные складки, собранные в хвост поседевшие волосы и тонкие плотно сжатые губы делали ее старше. Первое время, как только Мария пришла работать в музей смотрителем, некоторые наиболее любопытные коллеги обсудили ее внешний вид, решили, что женщине более сорока лет, и на этом потеряли к ней интерес. На самом деле Марии было всего тридцать.

Сняв в гардеробе пальто и шарф, переобувшись, Мария отправилась в подсобку за ветошью. Как всегда, протирая стекла в зале, она задержалась у макета средневекового замка. Сотни лет назад в этом замке зародилась одна из известнейших историй любви. Сейчас от строения остались лишь руины. Она погрузилась в воспоминания: о любви Барбары и Августа, о своем муже и трагедии...

Услышав приближающиеся голоса, Мария поняла, что в ее зал идут посетители. Видимо, она провела много времени в мире грез. Она быстро отнесла ветошь и бутылку с чистящим средством, поправила у зеркала волосы и бейдж, и вернулась на рабочее место.

– ...Замок в Гераноинах был большой и неприступный. В огромном саду, разбитом возле замка, в обрамлении осенних цветов Август встретил не мрачную вдову, а красивую радостную женщину. Он влюбился в нее с первого взгляда. Барбара ответила ему взаимностью. Весь октябрь влюбленные провели вместе.

Сегодня экскурсию проводила Ксения. Молодая высокая девушка с длинной рыжей косой. Марии нравилась Ксения. Нравились ее умные светло-карие глаза, открытый чистый лоб, маленький нос, украшенный веснушками.

Тихим уверенным голосом Ксения продолжала:

– В ноябре в Гераношны приехали братья Барбары – Николай Рыжый и Николай Черный – чтобы попытаться сохранить что-нибудь из наследства Станислава Гаштольда, умершего мужа Барбары. Когда они увидели, с какой любовью король смотрит на вдову, они поняли, что Барбара сможет оставить себе все, что захочет. Радзивиллы решили воспользоваться близкими отношениями сестры и Августа и стать приближенными молодого короля. Вскоре Барбара вернулась к матери в Вильну, король – в свой виленский замок, они продолжали встречаться.

Королеве Боне доложили, что у сына новая любовница. Это ее ничуть не беспокоило. Ее тревожили возможные происки Радзивиллов, но пока все было, как ей казалось, под контролем. Молодой король веселился в Вильне и не вмешивался в дела. В один из осенних дней Августа посетили послы императора и напомнили, что его жена уже целый год одна скучает в Кракове. А через несколько дней Август получил письмо от отца с требованием забирать Елизавету в Вильну и позаботиться о будущем наследнике. Братья посоветовали соглашаться на приезд королевы, при этом продолжают встречаться с Барбарой.

Молодая королева торжественно въехала в Вильну рядом со своим красивым супругом. Но он ни разу не зашел в ее спальню. Весной Август и вовсе с ней попрощался и уехал в Краков. Елизавета не могла поехать вместе с ним по причине плохого здоровья. Опасения медиков были не напрасны: вскоре у нее случился тяжелый приступ эпилепсии, после которого она умерла.

Весть о смерти жены застала Августа на Вавеле. Несмотря на сплетни, что молодую королеву отравили по ее приказу, Бона была рада кончине Елизаветы. Теперь она могла бы совершить задуманное: женить сына на французской принцессе, дождаться наследника трона и короны.

После смерти молодой королевы прошел год. Отношения Барбары и Августа продолжались, их любовь за это время окрепла. Молодой король с неприязнью думал о новой женитьбе. Барбара же боялась нового брака любимого и обратилась за советом к братьям, как его удержать. Радзивиллы посоветовали заставить Августа жениться на ней. Но поскольку она не решалась говорить с королем об этом, братья подвизались в этом щекотливом вопросе. Они взяли с Августа обещание, что он не будет больше тайно встречаться с их сестрой, позорить их семью и отпугивать возможных женихов. Король не смог сдержать обещание, а также не хотел, чтобы Барбара Гаштольд во второй раз выходила замуж, и тайно обвенчался с ней.

Узнав о тайном браке сына, Бона разозлилась. Успокоилась только тем, что брак могли признать незаконным на ближайшем сейме. Она всячески способствовала этому. Также старый король уговаривал сына разорвать эти отношения. Но он понимал, что сын вряд ли откажется от жены, так как он очень упрям, в его жилах текла кровь Ягеллонов и Сфорца.

Перед Пасхой старый король тяжело заболел и умер. Август объявил в Литве траур, сообщил литовским вельможам о своем браке, представил жену и отправился в Краков на похороны отца.

Итак, королем Польши стал Сигизмунд II Август.

Сейм открылся в октябре. Как и ожидалось, он не признал тайный брак короля, а Барбару – королевой Польши. Споры о коронации Барбары закончились тем, что король в сердцах воскликнул, что скорее отречется от короны, нежели от своей жены, он не нарушит обеты, которые дал любимой женщине перед Богом...

Мария не впервые слушала этот рассказ. Но каждый раз, как и все другие истории о любви, в книгах или фильмах, он вызывал яркие образы из ее прошлого, отзывавшиеся острой болью где-то в солнечном сплетении, и комок из замерзших слез подступал к горлу. И как бы она ни старалась жить только здесь и сейчас, быть только в этом дне, в этом часе, этой минуте, мысли уносили ее то в прошлое, где было много света, тепла и радости, то в будущее, где нет ничего, кроме унылой осени, холодной зимы и ожидания смерти. «Нельзя больше прятать эту боль в далеких уголках души, надо прожить ее, выплакать это горе», – подумала Мария.

Вернувшись вечером домой, она открыла ноутбук, щелкнула мышью по папке «Мы», начала листать фотографии. С экрана монитора на нее смотрели две пары счастливых глаз. Солнце! Как было много солнца в этих фотографиях! Золотым светом были наполнены осенние листья в парке, где они гуляли с Максимом, мандарины на заснеженных ветках (так они украшали ели и туи у школы), желтые розы и тюльпаны, которые дарил ей Максим. Мария погрузилась в воспоминания...

Сентябрь 2013 года

Сентябрь в тот год был необыкновенно теплым, в некоторые дни в полдень столбик термометра дотягивался до отметки тридцать градусов по Цельсию. Это была компенсация за холодное лето, как встреча с Максимом была компенсацией за годы одиночества. Она хорошо помнила день, когда они познакомились.

Несмотря на то, что солнечные лучи давно проникли сквозь неплотные шторы и ярко освещали спальню, Мария проспала, потому что до двух часов ночи смотрела сериал. Наспех приняв душ, глотнув горячего кофе, сунув ноги в балетки, хотя обычно на работу она обувала туфли на каблучке, она побежала на работу. Проклиная сценаристов и актера-красавца, сыгравшего главную роль в фильме, она сильно потянула на себя дверь черного входа в школу, и на нее чуть не упал высокий мужчина в спортивном костюме.

– Осторожнее! – вскрикнула Мария.

– Извините, пожалуйста, – ответил мужчина.

Чуть позже, в классе на уроке, успокоившись, она подумала, что, возможно, есть и ее вина в этом столкновении. Они одновременно открывали дверь, мужчина – наружу, она – к себе, Мария сделала это резко, и мужчина явно не ожидал, что кто-то будет заходить в школу после начала уроков. (Мария решила не жалеть себя сегодня вечером и вспомнить все, до мелочей, как бы ни было больно от этого). Во время перемены они встретились в учительской. «Он красивый», – подумала Мария, украдкой разглядывая нового коллегу. Седеющий брюнет спортивного телосложения, без обручального кольца. Они встретились взглядами, Мария смутилась, сделала вид, что читает.

– Простите меня, пожалуйста, за небольшое утреннее происшествие, – услышала она приятный мужской голос над головой и ненавязчивый запах дорогой мужской парфюмерии. Она подняла голову и еще больше смутилась. «Господи, какой же он красивый! Темно-карие глаза, белозубая улыбка. А я, как назло, сегодня не выпавшаяся, без макияжа и прически. Интересно, он не женат на самом деле или просто кольцо не носит», – рой мыслей пролетел в голове, прежде чем Мария ответила.

– Нет-нет, что вы, это моя вина. Вы меня простите, что я утром была, мягко скажем, не вежлива.

– Предлагаю после работы заехать куда-нибудь, выпить по чашечке хорошего кофе, и вы будете прощены, – сказал мужчина, продолжая смущать Марию своей ослепительной улыбкой.

– Максим, – протянул мужчина руку.

– Мария.

Выпив по две чашки кофе и съев по огромной порции мороженого, они вышли из кафе, расположенное рядом с домом Марии. Они решили оставить машину на стоянке и пройтись. Солнце садилось, но вечер все еще был теплым. Под ногами шуршали первые опавшие листья, пролетающая мимо паутина зацепилась за волосы Марии.

– Так не хочется с тобой прощаться, погуляем еще? – спросил Максим, снимая нити паутины с ее волос.

– Нет, не могу. Мне сегодня надо выспаться. А сначала я должна подготовиться к завтрашним урокам. А еще хочу досмотреть сериал и узнать, кто убийца.

– Тогда до завтра.

На щеке остался теплый поцелуй.

Усаживаясь вечером на диван со стаканом теплого молока и ноутбуком, чтобы досмотреть сериал, Мария получила от него сообщение.

Тогда же, в сентябре, она познакомилась с Юлией и ее мамой. Мария в тот день возвращалась домой поздно, после уроков был педагогический совет школы, после ей захотелось пройтись по магазинам. Погрузившись в калейдоскоп мыслей о работе, покупках, Максиме, она не обратила внимание на двух женщин, сидящих на скамейке у ее подъезда. Когда она подошла к двери подъезда и начала искать в сумке ключи, одна из женщина громко ее окликнула.

– Ну, здравствуй, красавица!

– Вы мне? – спросила Мария, поворачиваясь к ним.

И в голосе, и во взгляде этой полной седой женщины чувствовалась агрессия.

– Тебе, шлюха!

Вторая женщина, невысокая худенькая блондинка, захихикала. Она могла бы сойти за подростка, если бы не отсутствие нескольких зубов и глубокие морщины у глаз, которые были хорошо видны даже при свете уличного фонаря. Женщины подошли к Марии ближе, она услышала запах спиртного.

– Мы знакомы? – Мария пыталась сказать это холодно и равнодушно, но голос ее задрожал.

– А вот сейчас и познакомимся, я жена Максима, – заплетающимся языком ответила блондинка.

– С которым ты, проститутка, лямуры крутишь, – завизжала пожилая женщина, схватив Марию за волосы.

Стоя спиной к двери, отталкивая женщину одной рукой и продолжая искать другой в недрах большой сумки ключи, Мария закричала:

– Я ни с кем ничего не кручу. И Максим давно разведен!

– Что происходит? Маша, это ты? Помощь нужна? – сверху, с балкона второго этажа, раздался голос соседа.

– Пойдем, мама, – блондинка потянула пожилую женщину. Они, ругаясь матом, быстро ушли.

Мария наконец-то нашла ключи, открыла подъезд и расплакалась.

Войдя в квартиру, она выпила несколько таблеток валерианы, приготовила ванну с маслом лаванды. Успокоившись, позвонила Максиму.

Максим приехал через десять минут. С порога сказал:

– Я вызываю полицию!

– Нет, пожалуйста, не надо...

– Почему?!

– Я хочу забыть эту историю. Я не хочу еще раз все это рассказывать полицейским, потом, возможно, в суде. Я не хочу больше видеть этих женщин.

– Но если не принимать никаких мер, они продолжат тебя преследовать, они сумасшедшие!

– Нет, они не будут больше меня преследовать, – сказала Мария тихо, но твердо, чеканя каждое слов.

Они смотрели некоторое время друг на друга, глаза в глаза.

– Ты права. Я все сделаю для того, чтобы они забыли дорогу к твоему дому.

Мария улыбнулась.

– Пошли пить чай.

...Они лежали на диване, Мария – у него на плече, разглядывала родинку на подбородке.

– ... Я пытался ее лечить. Я предлагал уехать из нашего города, чтобы ее мамаша не могла больше вмешиваться в нашу жизнь. Но эта женщина – умелый манипулятор, а Юлия с детства привыкла во всем подчиняться матери. Меня хватило на два года. Она пила все больше,

каждый день, иногда с матерью, иногда одна дома. Последней каплей, переполнившей мою чашу терпения, стал их конфликт с моими родителями. Однажды Юлия со своей мамашей позвонили моим родителям с предложением обменяться квартирами: чтобы мы переехали в их большую трехкомнатную, а они, мои мама и отец, в нашу однокомнатную. Мое мнение никто не спросил. Мама ответила: «Только после нашей смерти!» У Юлии сорвалось: «Чтобы вы сдохли поскорее!» Знаешь, мои родители не за лишние квадратные метра держатся, а за память. Десять лет прошло с дня гибели брата, а в его комнате все, как было при его жизни: дискеты у старенького компьютера, гитара на стене, футболки и джинсы разноцветными стопками в шкафу. И даже кот все так же предпочитает спать на диване в комнате брата. Однажды Виктор принес мокрый черный комочек, который за несколько месяцев превратился в черного толстого кота. Кот еще жив, хотя уже старый и видит плохо. А Виктора уже много лет нет на этом свете... И вот эти... захотели, чтобы мои родители выехали из квартиры, которая им очень дорога. И от Юлии я не ожидал таких слов. Я понял, что точка невозврата пройдена. Приехав от родителей, я собрал все ее вещи, посадил ее в машину и отвез к матери. Поскольку детей у нас не было, имущественных споров тоже – квартиру я купил до женитьбы – нас развели через месяц.

Мария под воздействием валерианы и лаванды начала засыпать. Максим отнес ее в спальню, бережно укрыл, поцеловал.

– Спокойной ночи, Машенька. Я поеду.

– Останься.

– В другой раз. Сегодня мне надо навестить кое-кого.

Ноябрь 2017 года

Она достала из тумбочки старый телефон с трещиной на экране, зарядное устройство. Через несколько минут включила его, нашла то сообщение, его первое сообщение. «Спасибо за прекрасный вечер. Спокойной ночи. Целую». Обыкновенное сообщение, как и многие другие от Максима. Но она несколько лет не включала этот телефон, не перечитывала их переписку. Каждый вечер, несколько недель, пока они не стали жить вместе, Мария получала от него теплые пожелания спокойной ночи.

Отложив телефон, она открыла ноутбук и напечатала в строке поиска «Что делать, если хочется выйти в окно?».

Минуту спустя она набирала номер круглосуточной экстренной психологической помощи.

– Здравствуйте. Меня зовут Анастасия. Я врач-психотерапевт. Я хочу вам помочь. Говорите, пожалуйста.

Мария надорвала фольгу блистера, достала белую овальную таблетку. Сначала хотела разломить ее надвое. Но потом бросила в рот целую, сделала глоток воды из маленькой пластиковой бутылки, проглотила. «Принимать внутрь, не разжевывая, во время еды. Начинать с половины таблетки, два раза в день», – сказал пожилой уставший врач, выписывая рецепт. «Запомните? Или записать? Принимать два раза в день по половине таблетки», – повторила слова врача молодая фармацевт, отдав Марии небольшую коробочку. Если верить седому психиатру, в ней, в этой маленькой белой коробочке с голубыми латинскими буквами, была скрыта большая сила, которая поможет ей победить тяжелую длительную депрессию. И если ей опять захочется выйти в окно, она может ему звонить в любое время, даже ночью. Нет, она не тревожит его семью, он уже много лет живет почти один, с таким же старым и толстым лабрадором. Мария улыбнулась и аккуратно положила рецепт и визитку в большую черную сумку.

– Старый толстый лабрадор, – видимо, очень громко сказала про себя она, потому что заглянувший в гардеробную для персонала невысокий худой парень имел несколько озадаченный вид.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, все хорошо.

– Через полчаса в вашем зале будет экскурсия.

– Я поднимусь через пять минут.

«После отказа сейма короновать Барбару, Август не успокоился. Он начал вербовать сторонников среди вельмож и шляхты. Также он заручился поддержкой габсбургского войска. Спустя два года собрался новый сейм, на который в качестве гостей прибыли послы Габсбургов. Через несколько недель заседания были закончены, послы уехали в Вену, а Август спешил сообщить любимой о победе.

Барбара в лучшем из своих платьев, признанная сеймом законной супругой короля, торжественно въехала на Вавель. Во время подготовки к коронации она заболела. Август и Радзивиллы надеялись, что до торжества она выздоровеет.

В декабре тысяча пятьсот пятидесятого года молодая королева, превозмогая боль, увенчанная короной, села на трон рядом со своим мужем. После церемонии ей стало очень плохо, вскоре она перестала выходить из своей спальни. Несмотря на то, что Август приглашал к Барбаре лучших врачей, она медленно угасала...

В мае она умерла. Траурные торжества длились десять дней. Все это время король не отходил от гроба любимой. А после объявил, что похоронит ее на родине, в далекой Вильне, как того хотела Барбара.

В черной запыленной одежде, спотыкаясь от усталости, Август шел за черным катафалком. Иногда придворный подводил к нему коня, король молча садился на него. Немного отдохнув, он слезал с жеребца и снова шел пешком.

Похороны Барбары Радзивилл, великой княгини литовской и королевы Польши, были поистине королевскими. После торжественной панихиды гроб с телом молодой королевы был положен в усыпальнице часовни святого Казимира.

Так закончилась история одной большой и романтической любви. Но закончилась ли? Ведь спустя сотни лет мы вспоминаем ее сейчас, о ней написаны книги, сняты фильмы. Потому что власть и деньги не вечны, все проходит, остается только любовь...»

Посетители молча и внимательно слушали Артема. Кто-то разглядывал макет замка, кто-то портрет Барбары. Тишину нарушали только редкие щелчки фотоаппаратов.

Мария разглядывала Артема, его очки в черной толстой оправе, редкие светлые усы и бороду, и думала: «Хорошо, что я выпила целую таблетку, а не половину». Прислушалась к себе, не отзовется ли тело болью на эту историю. «Нет, все хорошо, я спокойна. Как быстро действует это лекарство». Ее размышления прервал шепот пожилого мужчины:

– Простите, где у вас туалет?

– Я вас проведу, – также шепотом ответила Мария.

Они бесшумно покинули зал.

Мария вышла из автобуса и тут же набросила капюшон на голову. Сильный ветер сбивал с ног, дождь с мокрым снегом больно бил по лицу. Она шла, почти зажмурив глаза и придерживая капюшон рукой. Чтобы быстрее добраться домой, Мария решила сократить дорогу и пошла через огороженный пустырь. Раньше, лет двадцать назад, здесь была швейная фабрика. Когда она закрылась, хозяин так и не смог найти покупателя, здание стало разрушаться, территория поросла бурьяном. Иногда, когда в городе наводили порядок перед большими праздниками, траву косили, потому что она была видна с прилегающей улицы. А здание бывшей фабрики с каждым годом разрушалось все больше. Зимними ночами с улицы редкий прохожий мог увидеть в оконных проемах тусклый свет – здесь собирались бездомные. Чтобы согреться, они разжигали костер. Прошлой зимой под тяжестью снега одно из перекрытий рухнуло, несколько человек с переломами отвезли в городскую больницу, один старик умер, не приходя в сознание. Свет фонарей, редко расставленных вдоль улицы, сюда едва доходил. У разрушенного здания Мария ускорила шаг, оставалось всего метров триста-четырееста до выхода на освещенный бульвар. Миновав фабрику, она на несколько секунд опешила. На старом каштане, одиноко растущем в этом заброшенном месте, болтался большой белый шарф. В темноте ей померещилось, что на конце мокрого грязного шарфа сделана висельная петля. «Это для тебя, дорогая», – Марии почудился голос Юлии. Где-то рядом залаяли собаки, которые тоже, как и бомжи, облюбовали этот пустырь. Не выбирая дороги, Мария побежала к бульвару.

Подойдя к дому, она увидела, что в ее квартире горит свет. «Или я утром забыла выключить, или кто-то пришел?» Ключи от ее квартиры были у родителей и сестры.

– Привет, доченька, – в прихожей ее встретила мама. Они обнялись.

– Мы с папой решили прийти сегодня вечером к тебе, возможно, тебе нужна поддержка.

– Сегодня особенный день... – в прихожую вышел полноватый среднего роста пожилой мужчина, отец Марии.

Мария уткнулась ему в плечо и беззвучно заплакала.

– Пойдем на кухню, я ужин приготовила, – тихо сказала пожилая женщина.

Они ужинали молча. Также молча женщины убрали со стола и вымыли посуду. И только потом, в маленькой уютной гостиной, отец, вздохнув, промолвил:

– Да, три года прошло...

После небольшой паузы Мария сказала:

– Я сегодня утром была у психотерапевта, мне назначили антидепрессанты.

– Вот и хорошо, Машенька, – обрадовалась мама.

– Звонили родители Максима, месса в понедельник в семь вечера.

– Хорошо, мы с Аней обязательно придем, – сказал отец и посмотрел на жену.

Она одобрительно, с несмелой улыбкой, кивнула. Потом бросила взгляд на настенные часы:

– Уже поздно, тебе надо отдохнуть. Может, нам остаться? Или поедем к нам?

– Нет, все хорошо. Я еще выпью лекарство, буду в полном порядке.

Попрощавшись с родителями, Мария взяла свою сумку, достала белую коробочку. Как и утром, она выпила целую таблетку.

После душа, лежа в кровати, она прислушалась к себе. Никаких побочных эффектов от лекарства не ощущалось, радости и желания жить тоже еще не было. Но не было и нестерпимой боли, поднимающейся от солнечного сплетения к горлу, от которой хотелось умереть. Она лежала на спине и смотрела в потолок, на позолоченную люстру, слегка освещенную уличными огнями ночного города. Сон не шел, но и уснуть в такую погоду было сложно. В доме было почти тихо, даже неугомонный терьер из квартиры этажом ниже уже не лаял. Только иногда сверху из квартиры, где жила пожилая пара, был слышен скрип кровати и надрывный кашель. А за стенами теплых квартир свирепствовала непогода: ветер раскачивал кроны тонких деревьев, гонял по пустым улицам стаи грязных мокрых листьев, дождь барабанил по крышам, стеклам окон. Мысли все время возвращались к событиям трехлетней давности. Мария позволила им быть.

Глядя в потолок, она ясно видела картинку из прошлого: черная юбка, мамины руки с размытыми желто-коричневыми пигментными пятнами, с голубыми полосками просвечивающихся сосудов, мнущие мокрый носовой платок. Тогда жизнь разделилась до и после. Она спокойно слушала маму, все чувства и эмоции были приглушены лекарством, медленно капающим по прозрачной трубке в вену. Боль настигла ее потом, на кладбище, когда она замерзшими пальцами счищала снег с металлической таблички на деревянном кресте с именем и датами рождения и смерти Максима. Потом она, боль, много раз была в солнечное сплетение, душила за горло, когда Мария оставалась одна в своей квартире.

В костеле было холодно. Холод поднимался от серых мраморных плит по ногам все выше. Тонкое шерстяное пальто не могло удержать тепло ее худенького тела. Рядом сидели, прижавшись друг к другу, ее родители, впереди – родители Максима. Органистка на старом расстроенном органе пыталась играть Баха. Когда к алтарю вышли священник и министранты, орган замолчал, оставляя эхо от последних фальшивых нот. Все встали. Мария с болью смотрела, с каким трудом поднимается, уцепившись за мужа, ее свекровь. Началась месса.

Выйдя после службы из костела, немногочисленные друзья и родственники Максима, пришедшие сегодня помолиться за него и брата, не спешили расходиться. Они подходили к Марии, к родителям Максима, молча обнимали.

– Так может поедем к нам, на чай? – предложила мама Максима.

Все начали благодарить, отказываться: у кого-то дома дети одни остались, кому-то на ночную работу...

– Анечка, Алексей, Машенька, поехали к нам, – с мольбой в голосе сказала она.

– Да, конечно, – согласилась мама Марии.

Впятером они сели в старенький Фольксваген. Мария, сидя с родителями на заднем сиденье, с тоской смотрела на тающую с каждым годом все сильнее свекровь. Когда-то, как рассказывал Максим, она была веселой и энергичной, на работе, дома – заводила, артистка, пела, играла на гитаре. Гибель Виктора была для нее сильным ударом, но все же через несколько лет она смогла оправиться от горя. Смерть второго сына через десять лет ее убила. Но умирала она медленно, тая, как свеча. И даже физически с каждым годом она становилась меньше, превращаясь в затухающий огарок.

Ноябрь 2014 года

В непогожий ноябрьский вечер они возвращались на машине из гостей. Мария выпила немного вина и быстро уснула. Проснулась она через несколько дней в реанимации. Минут десять ей понадобилось, чтобы понять, где она. Она попробовала что-нибудь сказать, кого-нибудь позвать, но из горла вырвалось несколько толчков сухого кашля.

Мария увидела над собой белую медицинскую шапочку, такого же цвета маску и большие темно-карие глаза с длинными густыми ресницами.

– Позови врача, Мария Вагнер очнулась, – тихо сказал кому-то женский голос из-под маски.

Мария наконец-то выстроила в уме какую-то логическую цепочку: я в больнице... мы возвращались домой... я уснула... больше ничего не помню... или что-то случилось в дороге только со мной... или что-то с машиной... значит, и с Максимом...

– Почему я здесь?... Максим... Что с ним? – вырвалось вместе с кашлем из груди.

– Тихо-тихо-тихо. Вам еще нельзя говорить. Все хорошо.

– Пить, – попросила Мария.

Девушка в шапочке и маске поднесла ложку с водой к губам Марии.

– Что с моим мужем? – спросила она, сделав глоток.

– Я не знаю, – ответила девушка.

– Мой ребенок?! – Мария вдруг вспомнила о своей двухмесячной беременности. Она потрогала свой живот, как будто так могла определить, все ли в порядке с малышом.

– Я ничего не знаю, – шепотом сказала девушка, избегая взгляда Марии.

Пришел врач, осмотрел Марию, тихо дал указания медсестре, девушке с большими черными глазами. После чего от Марии отсоединили какие-то провода, сделали обтирание, поменяли постель, пытались покормить бульоном, поставили капельницу. Все это время, пока успокоительное не погрузило ее в сон, Мария тихо плакала и шептала: «Вы меня обманываете, они погибли...»

Утром следующего дня в палату разрешили зайти родителям и сестре. Отец и сестра стояли и молчали. Мама сидела на стуле рядом с кроватью, сложив руки на коленях, в ее руках был большой белый носовой платок с голубыми цветами. Она рассказывала, иногда подносила платок к щекам, потом сжимала его в кулаке, потом снова расправляла и вытирала слезы.

– ...Сказали, что Максим погиб сразу же... Три дня как похоронили... Ребеночка ты в больнице потеряла, кровотечение здесь открылось... В той машине, что выехала на встречу, были девушка и парень, лет двадцати, они были пьяны, они тоже погибли... Машины сильно разбиты... Говорят, это чудо, что ты жива осталась...

Декабрь 2014 года

Мария вернулась домой. С работы уволилась. Однажды бессонной ночью, глядя в потолок, она решила уйти. Встала, сходила в ванную, достала из домашней аптечки все флаконы и коробочки. Их содержимого – около двадцати таблеток – показалось Марии недостаточно для того, чтобы уснуть вечным сном. Выпив несколько таблеток валерьяны, она вернулась в спальню, подошла к окну. Прижавшись лбом к холодному стеклу, она смотрела на дом напротив. Только в одном окне горел свет. От ее дыхания стекло запотело, ей показалось, что в той квартире на люстре болтается тело. Мария протерла стекло. В доме напротив силуэт отошел от окна, свет погас. Мария закрыла глаза. На люстре болталось тело. В другой квартире, несколько лет назад, тело Юлии. Она звала ее к себе, в седьмой круг Ада. Мария открыла глаза, выдохнула, тряхнула головой, прогоняя видение.

Той ночью ей приснился странный сон. Она шла по густому лесу, продираясь сквозь колючие ветви, вслед за молодым мужчиной. Было темно: крупные бурые листья нависли над землей. Она боялась отстать от мужчины и остаться в одиночестве в этой глухой чаще. Она не могла вспомнить, что она здесь делает. Все, что она знала: мужчину зовут Вергилий и он выведет ее из этого страшного места. Они вышли на небольшую поляну. Вергилий сказал, что можно присесть и передохнуть, так как путь им еще предстоит неблизкий. Она опустилась на пожелтевшую от недостатка солнца траву. Мужчина подошел к небольшому молодому деревцу и сломал ветку.

– Смотри, – сказал он и указал на дерево. Из надломленной ветки на сухие листья капала темно-бурая кровь.

– Что это?!

– Правильнее было бы сказать «кто это». Это Светлана, жена Максима.

– Мы в лесу самоубийц? – Мария начала догадываться, где они находятся.

– Да. Вставай, идем дальше.

– Не могу, я устала, я хочу пить. Мои раны болят.

– Если ты не встанешь, ты останешься здесь навечно.

Мария вытерла подолом юбки капли крови с расцарапанных рук, с трудом поднялась и поплелась за своим проводником. Но он шел слишком быстро, вокруг становилось все темнее, вскоре она потеряла Вергилия из виду. Она продолжала идти дальше, вскоре лес закончился, и она вышла на огромное, поросшее бурьяном поле. Поле заканчивалось у подножия горы, покрытой кустарниками с темно-бурой листвой. Вергилия нигде не было. «Что же мне делать?!» – в отчаянии закричала Мария. «Беги! Беги!» – услышала она крик Максима. Она оглянулась вокруг, чтобы понять, откуда доносится голос. Ее стал окружать невесть откуда взявшийся дым. Сзади, из лесу, слышался непонятный злоеющий шум. И она побежала вперед, несмотря на то, что каждый вдох и выдох причиняли невыносимую боль. Она бежала, ее преследовал злоеющий хохот, за ней рушилась земля. И она понимала, что если остановится, замедлится хоть на секунду, то провалится в бездонную пропасть. И она летела вперед к спасительной горе, а пропасть, дышащая огнем, почти касалась ее отталкивающейся ноги... Мария закричала и проснулась, сердце колотилось. Как только она успокоилась, прогнав видения сна, первой пришла мысль: «Бежать, надо бежать». Утром, едва посветлело за окном, она натянула старые кроссовки, спортивную куртку, вышла из дому и отправилась на стадион.

Июнь 2015 года

Летом Мария начала искать работу. В школу возвращаться не хотелось, там все напоминало бы ей о Максиме. Да и сил, ни физических, ни душевных, для работы с детьми еще не было.

Ранний звонок на стационарный телефон немного испугал Марию. «Видимо, кто-то из родных не дозвонился на мобильный», – успокаивала она себя.

– Маша, доброе утро! – это Полина, старшая сестра. Даже ранним утром у нее был бодрый веселый голос

– Гюнайдын, – ответила Мария по-турецки.

Полина рассмеялась.

– Как ты?

– Спасибо, хорошо. Как ты? Как дочка?

– У нас тоже все хорошо. Прости, что так рано, но я ведь знаю, что ты не спишь. Вчера вечером звонила мамина знакомая, Дарья. У нее есть вакантное место – музейный смотритель. Зарплата небольшая, но работа легкая и спокойная. Не хотела бы работать в музее?

– Не знаю...

– Ох, Маша... Тебе надо возвращаться к людям. Сходи сегодня на собеседование.

– Хорошо, я схожу.

– Тебя ждут к десяти. Я забегу к тебе вечером после работы.

– Жду. Расскажешь про своих турков, – Мария улыбнулась, вспоминая рассказы Полины про ее виртуальные романы.

Дарья встретила Марию с улыбкой. Встала из-за стола, протянула для приветствия руку. Красивая, немного полная женщина лет шестидесяти, с коротко стриженными седыми волосами, с темно-карими глазами. Ее шею и уши украшали серьги и бусы из белоснежного жемчуга. Зубы Дарьи как будто являлись частью ювелирного гарнитура – такие же белые и сияющие.

– Я вчера виделась с вашей мамой, она в разговоре упомянула, что вы ищете работу. Я понимаю, что ваше образование позволяет вам претендовать на что-то лучшее...

– Спасибо, сейчас это то, что мне нужно.

– Рада вам помочь. Сейчас пройдите в отдел кадров, вас там ждут.

– Спасибо, до свидания.

– До свидания, – ответила Дарья, сверкая своей жемчужной улыбкой.

Анна, инспектор отдела кадров, высокая худая женщина лет сорока, блондинка с приятной улыбкой, очень болтливая, как поняла Мария вскоре, быстро оформила все документы, а потом повела знакомиться Марию с музеем и коллегами. Сначала они зашли к научным сотрудникам, Артем и Ксения приветливо встретили Марию. Главный хранитель фондов, Ева Никитична, невысокая худенькая женщина с коротко стриженными седыми волосами, хотела угостить новую коллегу чаем и пряниками. Пообещав непременно зайти завтра, когда у Марии будет первый рабочий день, они пошли по залам.

– Вот этот зал будет вашим, завтра начнем передачу экспонатов, я более подробно расскажу ваши обязанности. А вот здесь смотрителем работает Алиса.

Они вошли в зал, посвященный Второй мировой войне. Со стула поднялась и пошла им навстречу красивая полная брюнетка. Анна представила их друг другу. Алиса улыбалась, но Марии показалось, что у нее заплаканные глаза.

Когда они вышли, Анна продолжила:

– Кажется, я со всеми вас уже познакомила. Уборщица Арина будет попозже, бухгалтер в командировке, а наш художник, наверное, как всегда курит. Он всегда курит, когда Алиса плачет.

Мария вопросительно посмотрела на Анну.

– Наш коллектив маленький, так что секретов у нас друг от друга почти нет. Муж Алисы, пьяница и ревнивец, часто поднимает на нее руку. А Михаил, кажется, влюблен в нее. Вот он и злится, а когда он злится, много курит. А ему ведь нельзя курить, несколько лет назад он переболел туберкулезом. Он полгода лежал в больнице, от него тогда еще жена ушла.

– Алиса – очень красивая, – прервала Мария монолог Анны, вспоминая большие темно-карие глаза, маленький аккуратный нос и большую грудь Алисы.

– Да, она прекрасно выглядит на свои сорок лет, как ей это только удастся при такой жизни... Ну, я побегу работать, жду вас завтра к десяти. До свидания.

– До свидания, – с облегчением попрощалась Мария.

В холле она столкнулась с высоким худым мужчиной, от которого пахло дымом дешевых сигарет.

– Здравствуйте. Вы, наверное, Михаил?

– Здравствуйте. Да. Чем обязан?

Длинный нос, тонкие губы, голубые выцветшие глаза, серый цвет лица, редкие светлые волосы – Мария разглядывала пожилого художника.

– Я Мария, буду у вас работать с завтрашнего дня.

Михаил слегка улыбнулся, обнажив ровные, но немного желтоватые зубы, и сразу же показался Марии моложе и красивее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.